

Псковский регионологический журнал 2013-2020

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 (38) Том . 2019

Сакральная география Белорусского Подвинья: типология, актуальное состояние и перспективы исследования

Лобач В. А.

*профессор, Полоцкий государственный университет
Белоруссия, Полоцк*

Аннотация

В статье анализируется опыт изучения объектов сакральной географии историко-этнографического региона Белорусского Подвинья, уточняется категориальный аппарат исследования и соотношение понятий «сакральное», «святое», «культовое» в призме народного восприятия сакрально выделенных элементов природного ландшафта. Охарактеризован символический статус, информационные и обрядовые функции культовых источников, сакральных озёр и валунов в структуре культурного ландшафта региона. Исключительное место в картине мира и обрядовых практиках населения до настоящего времени занимают «святые источники», большинство из которых патронировалась православной церковью и имеет сакральную архитектуру (часовни, кресты, купальни), что привлекает большое количество паломников. С другой стороны, стремительное сокращение сельского населения представляет угрозу и для объектов сакральной географии, которые утрачивают свой культурный статус и переходят в категорию природных объектов, не имеющих своей «сакральной истории».

В исследовании обозначены основные проблемы и перспективы исследования сакральной географии как сложного природного и культурного феномена, отразившего в себе многовековой опыт взаимодействия человека и окружающей среды. Дальнейшее изучение объектов сакральной географии предполагает широкое междисциплинарное взаимодействие этнографии, фольклористики, археологии, культурной и исторической географии в тесной связи с государственной политикой по сохранению природного и этнокультурного наследия.

Ключевые слова: сакральная география, Белорусское Подвинье, культурный ландшафт,

Ссылка для цитирования:

Лобач В. А. Сакральная география Белорусского Подвинья: типология, актуальное состояние и перспективы исследования // Псковский регионологический журнал 2019. Выпуск 2 (38) С. 22-35 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://ras.jes.su/region/s221979310012055-3-1> (дата обращения: 02.10.2020).

1 Духовный опыт взаимодействия человека и географической среды его обитания являет собой значимый сегмент культуры в целом, а в качестве предмета исследования актуален для многих дисциплин и научных направлений: от культурной антропологии и этносемиотики до исторической и гуманитарной географии. Именно природное пространство во всей совокупности его геоклиматических и биологических характеристик стало не только базисом материальной культуры человечества, но и «творческой площадкой» объективации мира идей и представлений. «Именно геологические и биологические элементы ландшафта — горы, воды, флора, фауна — были тем изначальным, что в наземном мире подлежало повседневному использованию и осознанию, которое началось с сакрализации и мифологизации ландшафта» [19, с. 12].

2 Вместе с тем, семиозис пространства в человеческой культуре, несмотря на архетипический характер мифологического восприятия окружающей действительности, всегда имеет конкретные формы репрезентации, обусловленные региональными особенностями как географического, так и этнокультурного плана. Не случайно разноплановые исследования сакральной интерпретации ландшафта в различных культурных традициях, ставшие столь актуальными в последние десятилетия, реализуются именно в рамках регионалистики. В российской науке региональный подход наиболее плодотворно реализуется при изучении сакрального ландшафта Севера и Северо-запада России [8; 16; 17; 20]. В Литве фундаментальное исследование объектов сакральной географии двух историко-культурных регионов — Жемайтии и Аукштайтии — проведено В. Вайткявичусом [26; 27]. В Эстонии особенности почитания святых мест на современном этапе рассматриваются как с учётом региональных особенностей, так и в сравнении с финскими традициями [7].

3 Спецификой изучения сакральной географии в Беларуси является её изначально междисциплинарный характер (археологи, геологи, фольклористы, этнологи) и преобладание общеэтнической парадигмы при рассмотрении отдельных природных объектов (родников, озёр, валунов), имеющих сакральный статус в традиционной картине мира местного населения [4; 5; 9; 13; 15]. Однако комплексные региональные исследования сакральной географии проводятся лишь на территории Белорусского Подвинья — самой северной историко-этнографической области Беларуси, которая в основном совпадает с границами Витебской области (за исключением Дубровенского и Оршанского районов, находящихся в бассейне Днепра). Полевые фольклорно-этнографические экспедиции Полоцкого государственного университета в 1990–2010-х гг. зафиксировали обширный материал, отображающий различные аспекты этнокультурной специфики региона, в т. ч. символический статус и ритуальные функции объектов сакральной географии в традиционной картине мира локальных сельских сообществ [18, с. 166–278]. Опыт изучения сакральных объектов культурного ландшафта Белорусского Подвинья и смежных территорий воплощён в ряде научных публикаций как прикладного, так и теоретического характера [22, с. 58–73].

4 Данная статья имеет целью обобщить итоги исследования объектов сакральной географии на территории Белорусского Подвинья, что в свою очередь предполагает уточнение категориального аппарата, типологизацию сакральных элементов культурного ландшафта,

анализ их актуального состояния и определение перспективных направлений дальнейшего изучения.

5 **Проблемы теоретического осмысления сакральной географии** не в малой степени обусловлены «размытостью» ключевого термина в данном предметном поле исследования. По определению Д. В. Громова, «сакральная география — это система знаний о соотношении тех или иных объектов на земной поверхности с категориями священного» [2, с. 5]. Однако, подобная дефиниция затрагивает лишь ментальный план отображения реально существующих географических объектов, где они сами позиционируются как вторичная по отношению к человеческому сознанию реальность. К тому же, категории «сакральное» и «священное», как это будет показано ниже, синонимичны лишь в ряде конкретных случаев.

6 Как интегральную совокупность двух систем (ментальной и физической) рассматривает сакральную географию на примере Северной России Н. М. Терехин: «С одной стороны, это система религиозно-мифологических представлений о строении сакрального ландшафта земель Севера и о свойствах народов, их населяющих; с другой — это система реальных географических объектов, наделённых определённым сакральным смыслом» [20, с. 4]. При этом содержание «сакрального смысла» объекта не раскрывается, что предполагает его произвольное понимание.

7 При наличии значительного количества внешне схожих терминов в сфере изучения сакральных элементов ландшафта Е. Платонов считает, что приоритетной является целеполагание терминологии: «При описании системы деревенских святынь и иных религиозных комплексов используются различные термины — сакральная география, сакральная топография, сакральная сеть, сакральная карта и др. Все эти понятия близки друг другу и относительно точно выражают основные принципы исследования: изучение культовых или почитаемых объектов в их взаимных связях на определенной географической территории» [17, с. 231].

8 Анализ обширных фольклорно-этнографических материалов, отображающих символический статус и ритуальные функции сакральных элементов ландшафта в традиционной картине мира белорусов Подвинья, позволяет несколько уточнить такие категории как «**сакральная география**» и «сакральная топография», а также «сакральное», «святое», «священное» и «культовое», которые очень часто используются в качестве синонимических. По нашему мнению, термин «сакральная география» наиболее транспарентен именно по отношению к объектам природного происхождения (источники, камни, озёра, горы и т. д.), которые играют значительную роль в религиозно-обрядовой жизни местного сообщества и / или занимают определённое место в мифологических представлениях и верованиях сельского населения. При этом источники и озёра (камни и другие природные объекты), соотношённые в народных представлениях с иномирием, сферой сверхъестественного, входят в категорию «сакральная география» только при максимально широком понимании последней, как *совокупности элементов природного ландшафта, которые в коллективной фольклорной памяти соотносятся с иным миром и его представителями в их мифологической проекции, и отчётливо противопоставляются сфере профанного (человеческого)* [13, с. 190]. Таким образом, категория «сакральное» не всегда соответствует категориям «святое» и «священное», поскольку объектом сакральной географии в равной степени может быть как «святой источник», так и «чёртов камень». Амбивалентность термина «сакральный» следует из его изначального смысла: от лат. sacer, *посвящённый; священный, святой, внушающий благоговейное уважение*, но в то же время: *обреченный подземным богам, т. е. преданный проклятию, проклятый; магический, таинственный* [3, с. 891].

9 Когда же речь идёт о **сакральной топографии** (от греч. *topos* — место), то предмет её исследования куда более широкий, поскольку в данном случае акцент сделан на сам феномен сакральности, в то время как отмеченным ею может быть локус как природного, так и антропогенного происхождения (жертвенный крест, часовня, сельский храм или же кладбище). Это же замечание применимо и по отношению к сакральным элементам культурного ландшафта в целом, когда последний понимается как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [1, с. 16].

10 Несмотря на взаимосвязь элементов различной этиологии в структуре культурного ландшафта, выделение в рамках сакральной географии именно природных объектов оправдано не только их первичностью в системе наиболее архаических, мифологических в своей основе, представлений человека об окружающем мире, но и изначальной амбивалентностью в традиционной картине мира (могут воплощать как идею «нечистого», опасного, так и «божественного», благоприятного). В свою очередь, сакральные объекты антропогенного происхождения (часовни, храмы, монастыри) имеют исходную символическую прагматику, тесно соотнесённую с системой ценностей христианства, пусть даже и в народной интерпретации. Разумеется, это не означает, что сакральный объект природного происхождения не может иметь христианской архитектоники (часовня возле святого источника или крест рядом с поклонным камнем — скорее правило, чем исключение) или же легендарной истории, связанной с библейскими персонажами. Однако в любом случае происхождение природных объектов, имеющих сакральный статус, имеет прецедентный характер и в традиционной картине мира соотносится с событиями мифологической эпохи, противопоставленной «историческому времени», где каждая рукотворная святыня имеет свою точную прописку.

11 С другой стороны, использование определений «святой» и «культовый» как синонимических по отношению к природным объектам, которые занимают особое место в народной мифологии пространства, также представляется не всегда оправданным. Ряд источников, камней и особенно озёр фигурируют в фольклорной традиции как сакрально выделенные, «святые» («боговы», «перуновы» или же «чёртовы»), благодаря своему необычному происхождению, но в религиозно-ритуальные практики сельского сообщества не включены, т. е. их сакральный потенциал не актуализируется в рамках календарного года посредством определённых культовых действий. Таким образом, **«святое место»**, как объект, который почитается местным населением, — это «пространство, одушевлённое чудом, которое тут когда-то случилось», которое имеет несколько взаимосвязанных уровней репрезентации: собственно природный локус, культовый объект (христианскую святыню), «имя» (топоним), фольклорные тексты различной жанровой природы, обряды, связанные с этим местом [6, с. 31].

12 При этом необходимо понимать, что соотношение материального и духовного в рамках традиционного общества чрезвычайно сложное, а граница между этими категориями не всегда является отчётливой. Например, камень-следовик, который реально существует в пространстве как материальный объект со своими конкретными физическими параметрами (размерами, весом и т. д.), для человека постороннего, не принадлежащего к местной культурной традиции, является обычным валуном с непонятными выемками на поверхности. Сакральным же объектом этот камень делает его «мифологическая история», из которой следует, что «следы» на валуне оставил сам Бог (Божья Матерь) в давние времена, в результате чего «следовик» и приобрёл необычные, чудесные свойства. Однако, эта «мифологическая история» является частью коллективной, фольклорной в своей основе,

памяти местного сообщества — жителей 2–3 ближайших деревень, и за границами этого ареала перестаёт быть актуальной. Иными словами, «святость» камня или источника не задаётся автоматически самим фактом их существования, но следует из того статуса, который имеют эти объекты в мифопоэтической картине мира местного населения. Таким образом, материальное и духовное выступают в неразрывном единстве, что и придаёт уникальность конкретному объекту сакральной географии.

13 Этот тезис принципиально важно учитывать при поиске и выявлении сакральных объектов культовой категории. Поскольку в последние десятилетия усиливается спекулятивная тенденция, которая возникла на волне широкого интереса к языческой эпохе, когда местные краеведы и просто любители «идентифицируют» десятки якобы культовых объектов дохристианских времён (преимущественно валунов). В большинстве случаев, такие объекты никаким образом не отображены в представлениях, верованиях и фольклорной истории местного населения, и тем более — абсолютно не включены в обрядовую жизнь сельских жителей.

14 **Типология объектов сакральной географии Белорусского Подвинья.** Для традиционного культурного ландшафта Северной Беларуси свойственно большое количество сакральных объектов, которые формируют многообразие и вариативность локальных традиций и могут быть отнесены к категории «деревенских святынь». Ниже приведём краткую характеристику их основных типов.

15 **1. Культовые (святые) источники** являются одной из наиболее распространённых категорий объектов сакральной географии на белорусской этнической территории, почитание которых ещё в XII в. осуждал как проявление язычества епископ Кирил Туровский. На сегодняшний день к числу почитаемых относится более 200 источников, которые зафиксированы во всех регионах Беларуси без исключения [14, с. 10]. Вместе с тем, представлены они на территории страны неравномерно: наиболее в Придвинье и Поднепровье, в меньшей степени — в Западном Полесье и Понёманье [5, с. 102–104]. Полевые исследования, архивные и краеведческие материалы позволили локализовать на территории Белорусского Подвинья около 80 источников, имеющих культовый статус в картине мира местного населения по состоянию на конец XIX — начало XXI в. (рис. 1).

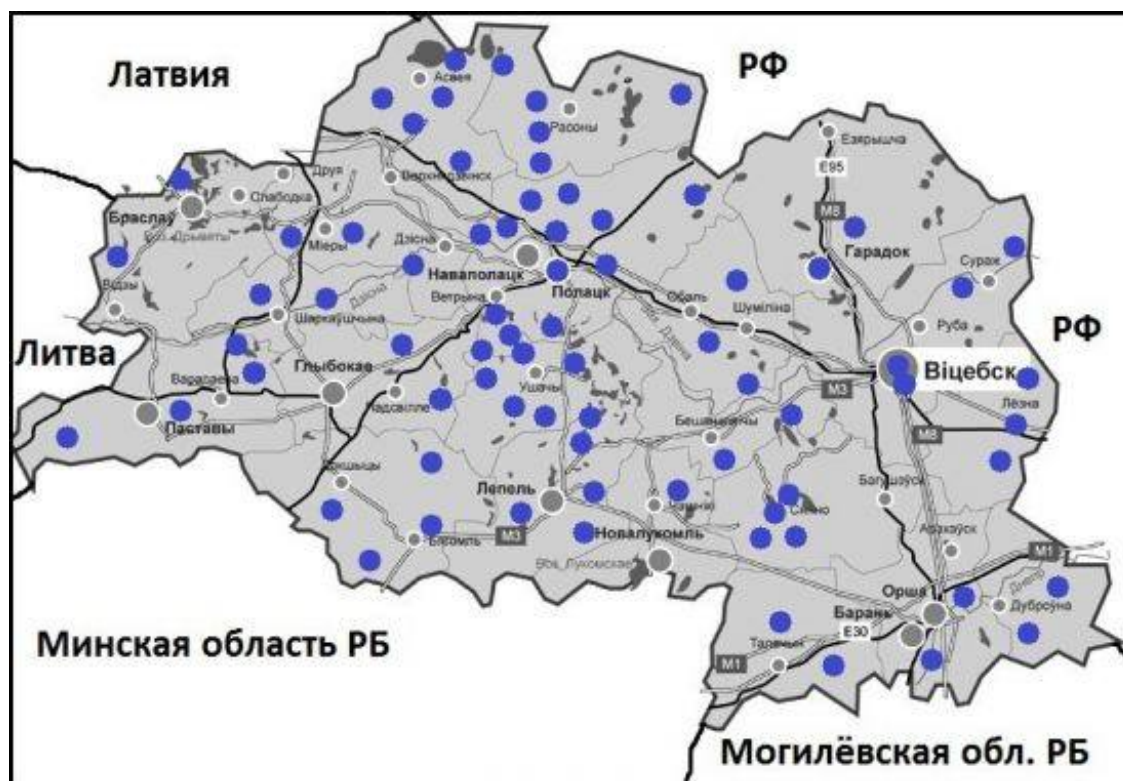

Рис. 1. Культурные источники Белорусского Подвинья по фольклорно-этнографическим данным конца XIX — начало XXI в.

17 Безусловно, большое количество источников на территории Белорусского Подвинья обусловлено геоморфологическими особенностями региона с характерным пересечённым рельефом, чередованием возвышенностей и равнин, множеством озёрных котловин, что обусловило выход грунтовых вод на поверхность в виде многочисленных родников. Однако, когда речь идёт о распространении сакральных (культурных) источников в том или ином регионе, географический фактор имеет существенное значение только с учётом локальной этнокультурной традиции. Например, на территории Псковской области, имеющей практически идентичные с Витебщиной характеристики природного ландшафта, феномен почитания родников в народной культуре представлен в значительно меньшей степени. Исследование Л. А. Юрчук указывает на «существование в прошлом или настоящем святых источников в Порховском (5 объектов), Печорском (3 объекта), Псковском, Стругокрасненском, Пушкиногорском, Гдовском и Опочецком (по 1 объекту в каждом) районах» [24, с. 190]. Даже если добавить к указанному числу несколько культурных источников приграничного Себежского района [10, с. 263], их общее количество в Псковской области не превышает 20 единиц, что в несколько раз меньше, чем на территории соседней Витебщины. Таким образом, можно предположить, что столь существенная разница обусловлена не географическими отличиями регионов, но различными этнокультурными условиями формирования и распространения культа святых источников, восходящими, возможно, к периоду славянского расселения на данных территориях и активных контактов пришлого населения с автохтонными балтскими либо финно-угорскими племенами.

18 С учётом информационного пространства ритуальной функциональности культурных источников Белорусского Подвинья можно выделить три типа указанных объектов.

19 *Субрегиональные культурные источники.* Информация о сверхъестественных свойствах родников данной категории бытует на обширной территории, которая включает в себя не только окрестные деревни, но и ближайшие посёлки и даже отдалённые города. В свою очередь, это обуславливает довольно широкую географию и большое количество

паломников. Источники такого типа выделяются благоустроенностью и организованностью сакрального пространства (наличие крестов, икон, часовен, купален, оград), паломничество к ним носит массовый характер (от нескольких десятков до нескольких сотен человек), строго приурочены к определённому религиозному празднику и сопровождаются церковными службами (водосвятием). К числу субрегиональных относится известная на территории всей Витебщины и даже за её пределами «*крыніца святога Яна*» возле д. Черневичи Глубокского района, массовое паломничество к которой происходит ежегодно в день Иоанна (Яна) Крестителя (07.07.) и в день «Яна Галавасека» (Усекновения головы Иоанна Предтечи — 11.09). К этой же категории может быть причислен и святой источник «Ильинка» в лесном урочище возле д. Стайки Ушачского района, где торжественное водосвятие в присутствии сотен паломников происходит в день пророка Ильи (02.08).

20 Упомянутые культовые источники имеют довольно развёрнутую мифологическую историю, воплощённую в преданиях об их необычном, чудесном происхождении, а также насыщенную оперативную (реальную) историю — совокупность нарративов о сверхъестественных, лечебных свойствах родниковой воды, которые основаны на конкретных случаях исцеления людей [18, с. 192–197, 211–212].

21 *Локальные культовые источники* являются наиболее распространёнными на территории региона как в прошлом, так и в настоящее время. География их ритуальной функциональности обычно охватывает небольшое пространство, которое включает от 2–3 до 5–8 ближайших деревень. Архитектоника таких источников носит более скромный характер (сруб, небольшая часовня, крест), количество паломников относительно невелико, церковные службы могут не проводиться. Депопуляция сельского населения, его старение и отсутствие преемственности в традиции почитания источников в ряде случаев сужает их информационное поле и переводит в следующую категорию. Вместе с тем, проведённые полевые исследования показывают, что с источниками такого типа могут быть связаны предания с очень архаическими, мифологическими в своей основе сюжетами. А находки, сделанные во время очистки и благоустройства культовых родников, указывают на очень продолжительный период их почитания (XVII–XX вв.), что подчёркивает знаковость и значительность «деревенских святынь» в структуре локального культурного ландшафта и требует неотложных мер охранного и рекреационного характера [11, с. 225].

22 *Микрорегиональные источники*, информация о которых бытует в пределах одного населённого пункта и практически не известна даже жителям соседних деревень. Культурно-религиозная атрибутика таких источников (кресты, часовни, иконы) может вообще отсутствовать, а их посещение носит преимущественно индивидуальный характер и акасиональные причины (чаще — болезнь), не соотнесённые с системой календарных праздников.

23 Принципиально важно понимать, что безотносительно степени известности, количества паломников и уровня организации сакрального пространства все культовые источники являются уникальными элементами этнокультурного наследия. Акцент на исследование и сохранение наиболее известных, репрезентативных источников и игнорирование труднодоступных, неблагоустроенных может привести в ближайшей перспективе к переходу последних из категории культурно-исторических памятников в разряд обычных природных объектов. Поскольку культовый источник, особенно тот, который не имеет культурных маркеров своей сакральности (крест, часовня), «умирает» вместе с последним старожилом, который знает и помнит о его необычном статусе. В свою очередь, это приводит к безвозвратному исчезновению элемента нематериального наследия и обеднения культурного ландшафта как отдельного региона, так и Беларуси в целом.

24 **2. Сакральные озёра.** К данной категории объектов гидрографии относятся озера

Белорусского Подвинья, известные под названием «святые», а также те водоёмы, с которыми связаны предания об исчезнувшем (утонувшем) храме. В настоящее время на основании топонимических, этнографических, фольклорных источников, а также экспедиционных материалов на территории региона локализовано 35 озёр подобного типа, 13 из которых имеют наименование «святое» или производное от него (рис. 2). Такая концентрация сакральных гидронимов («святых озёр») является отличительной чертой Подвинского региона, поскольку на остальной территории Беларуси известно только 7 святых озёр (4 — в Гомельской, 3 — в Могилёвской областях). При этом необходимо отметить, что, несмотря на распространённый стереотип о «крае голубых озёр», на территории Подвинья расположено не более 35 % озёр от их общеполорусской численности.

25

Рис. 2. Сакральные озёра Белорусского Подвинья

26 Таким образом, речь идёт об определённых особенностях региональной культурной традиции, нежели о стечении количественных географических факторов. Этот тезис находит своё подтверждение и при локализации озёр типа «святое» и «церковище» в границах самого региона. Большинство святых озёр и водоёмов, с которыми связаны предания об исчезнувших храмах, расположены в центральной части Белорусского Подвинья: на территории Полоцкого, Ушачского, Лепельского, Бешенковичского, Чашникского и Сенненского районов, что совпадает с ареалом расселения полоцких кривичей и зоной наибольшей концентрации их курганных захоронений (рис. 3).

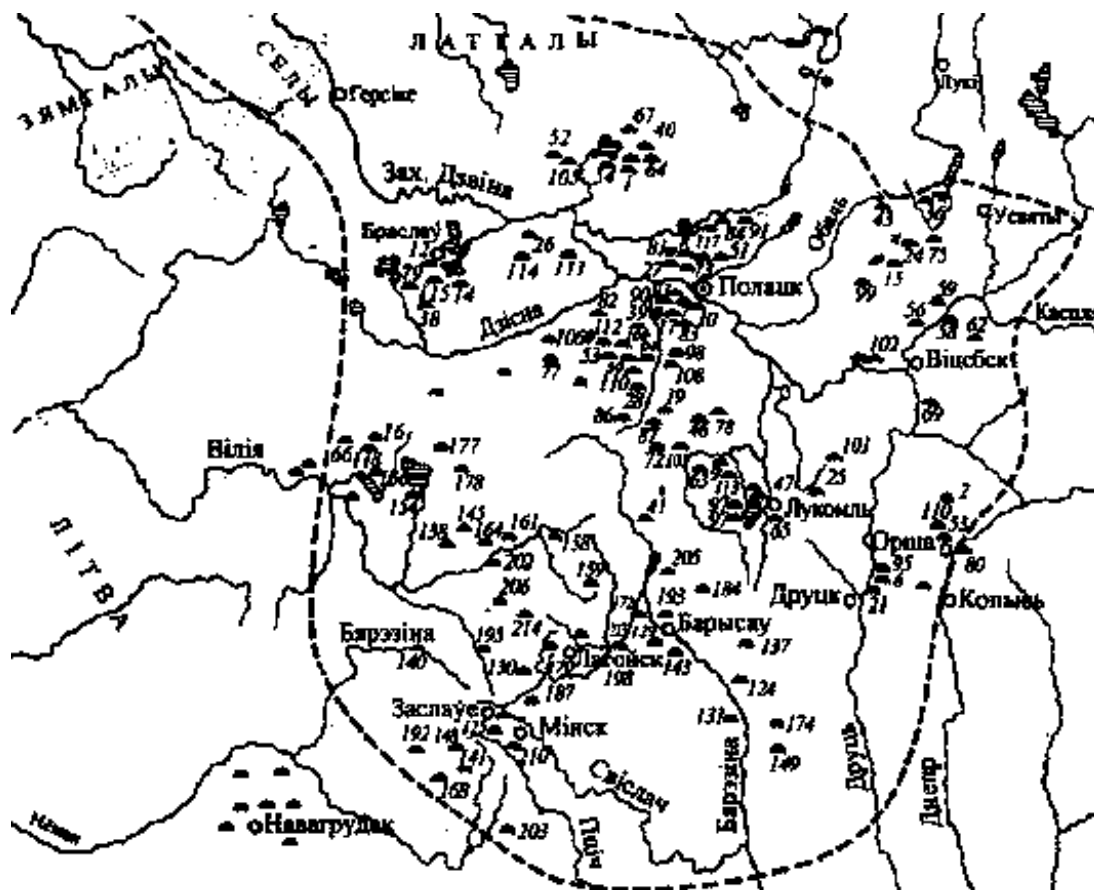

Рис. 3. Полоцкая земля X–XII вв. с обозначением исследованных курганных захоронений [22, с. 7]

28 С другой стороны, в западной части Подвинья, в частности, на территории Браславского Поозерья, где преобладало балтское население, подобные гидронимы практически отсутствуют. Такая особенность локализации святых озёр в регионе позволяет предположить, что реальный исторический прецедент, который лёг в основу фольклорной атрибуции озёр этой категории, имел место в пределах расселения полоцких кривичей (Полоцкого княжества). Данные языкознания косвенно указывают на характер исторического события, отображённого в гидронимии и однотипных преданиях об исчезнувшем храме. По мнению В. Н. Топорова, большая часть лексического фонда балто-славянского *šćenta- (лит. švent-, рус. svęt-), несмотря на свою архаику, «вторична и относится к относительно поздней эпохе принятия христианства», при этом «славяне приняли христианство раньше, чем балты, которые в значительной степени приобщились к нему через славян» [21, с. 22]. В этом контексте размещение святых озёр (церковищ) своеобразным кольцом вокруг Полоцка (крупнейшего центра христианства в регионе) и отсутствие их на балтской периферии Полоцкого княжества наводит на мысль о том, что сюжет об исчезнувшем храме мог возникнуть в период христианизации славянского населения Придвинья [25, р. 63–65].

29 В фольклорном плане большинство святых озёр объединено легендарным сюжетом о храме (селе, городе с храмом) или его атрибутах (колокол), которые провалились под землю (в сам водоём) и на месте которых образовалось озеро. Анализ фольклорных материалов показывает, что в качестве причины внезапного исчезновения храма фигурирует нарушение людьми определённых религиозно-этических норм и последующее их наказание со стороны высших сил (Бога). Так, о Святом озере (возле д. Селище Верхнедвинского р-на) сохранилось следующее предание: «Ад людзей чула, што раней возера не было, а на яго месцы была царква. А людзі толі ругаліся, толі дрэнна хадзілі ў царкву, патаму яна злюдзьмі правалілася пад зямлю. А на гэтым месцы абразавалася Сьвятое азяро» [18, с. 166].

30 Предания об исчезнувших храмах и поселениях характерны не только для Подвинья и белорусской этнической территории в целом. Как отмечает российский исследователь сакральной географии А. Панченко, «рассказы о провалившихся городах, монастырях, храмах и т. д. имеют общеевропейское распространение и чаще всего соседствуют с повествованиями о святотатстве, каре за грехи или, наоборот, — чудесном спасении от врагов и насильников. Этот сюжет может распространяться в форме легенды и новеллистической сказки или предания, приуроченного к определённом ландшафтному объекту» [16, с. 141–142].

31 Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что сакральный статус озёр как особых каналов коммуникации с иным миром, отражён в традиционных представлениях преимущественно в мемориальном, фольклорном ключе, но не находит функциональной реализации в рамках народно-религиозных практик. Это означает, что в рамках этнографической реальности XX — начала XXI в. практически ни одно озеро, даже из числа «святых», не относится к категории деревенских святынь и не является объектом или пространством целенаправленных обрядовых действий.

32 На сегодняшний день необходимо констатировать, что исследование сакральных озёр Белорусского Подвинья находится лишь в начальной стадии, которая заключается преимущественно в накоплении фактического материала и попытках его осмысления. В то же время перспективное изучение водоёмов, сакрально выделенных в фольклорной памяти, определение их статуса в мифопоэтической картине мира и ритуальных функций как в диахронном, так и синхронном культурном срезе, требует дальнейших исследований комплексного, междисциплинарного характера, которые включали бы современные методы и достижения археологии, этнографии, этнолингвистики и также геологии (геодезии).

33 **3. Сакральные камни.** Собственно культовыми, т. е. почитаемыми местным населением, являются лишь небольшая часть сакрально выделенных валунов. По подсчётам А. Коробанова, во второй половине XX в. на территории Беларуси имелось более 40 камней, имеющих культовое значение для жителей окрестных деревень, в то время как общее количество сакральных валунов превышает 200 единиц [9, с. 218–225]. Несколько иная закономерность характерна для Белорусского Подвинья, где наиболее распространённой категорией являются «чёртовы камни», но почитаемые валуны им уступают незначительно (рис. 4).

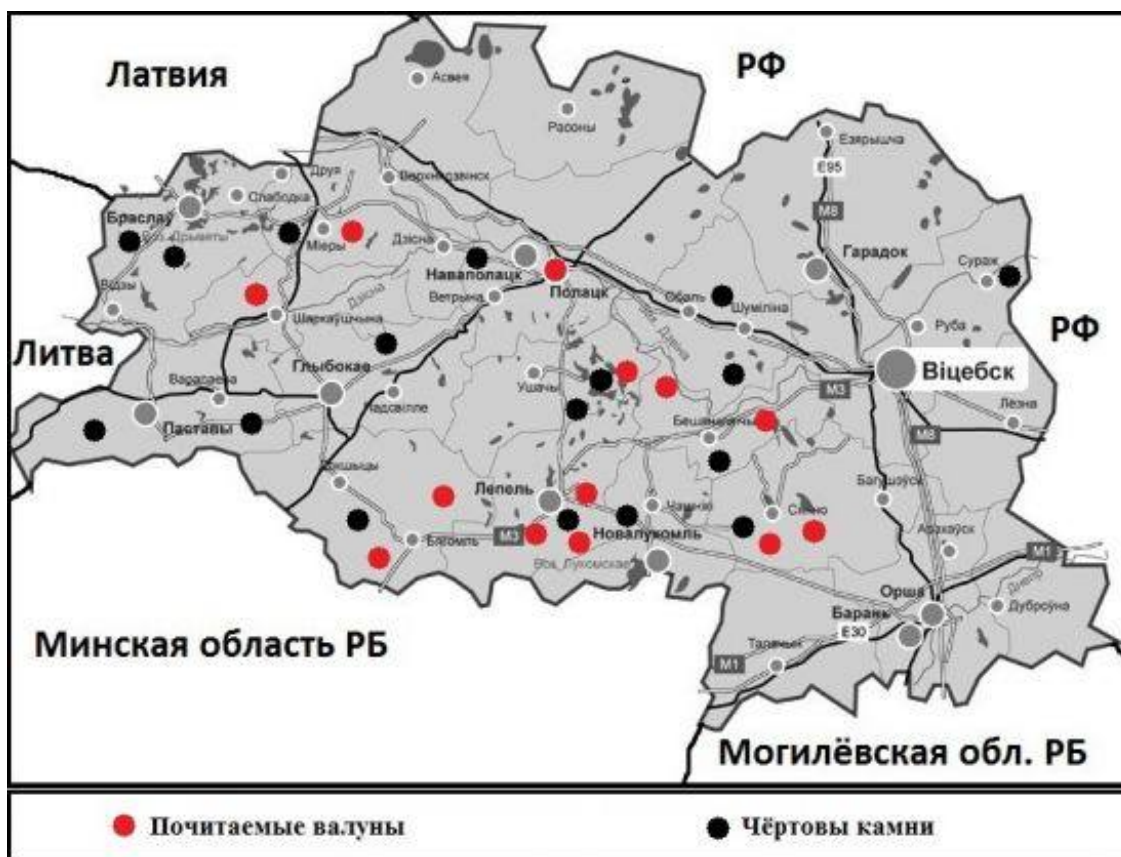

Рис. 4. Сакральные валуны Белорусского Подвинья

35 Преимущественно к категории культовых относится т. н. «камни-следовики» — валуны с характерными углублениями (выемками) как природного, так и искусственного происхождения, которые напоминают след ноги человека (реже — лапы животного). По мифопоэтическим представлениям местных жителей, эти следы оставлены на камнях в мифические времена сакральными персонажами как божественной (Бог, Богоматерь, святые), так и инфернальной (чёрт) сферы. Соответственно, собственно культовыми («Святыми») являются лишь представители первой категории камней, в то время как вся совокупность «чёртовых камней» объектом поклонения не является, но исполняет функцию объективации определённого мифологического сюжета в структуре локального культурного ландшафта. Примером культового «следовика», почитание которого имело реальную обрядовую основу и являлось органической частью народного календаря, стал Святой камень возле д. Великий Полсвиж Лепельского р-на. *«Ну, яшчэ старыя прымерна так гаварылі, што Бога сляды. Даўно Бог ішоў, ступіў, ну во і слядкі. А тыя малыя (слядкі) — дык то, ці кот з Богам ішоў ці сабака. Слядкі там гэтыя чысцілі. Старыя людзі хадзілі і зерне туды, у слядкі, сыпалі, каб добры ураджай быў. (Як сеялі, сыпалі туды?) Ага, як сеялі. Ну, яшчэ хадзілі на Вялічка (Пасху — В. Л.), яйкі свяцілі. Яшчэ на Троіцу хадзілі. (Як свяцілі?) Яйкі пакладуць у слядкі — во так свяцілі... Хадзілі, чысцілі тыя слядкі, ну прыбіралі там старыя бабкі»* [18, с. 237].

36 Категория сакрально выделенных камней значительно более обширна, чем собственно культовых. Их можно разделить на несколько основных групп, соответственно сюжетным линиям преданий, которые к ним относятся: 1) окаменевшие люди (животные), когда метаморфоза происходит по воле Бога в качестве наказания за нарушение человеком моральных или же религиозных норм; 2) чёртовы камни (безотносительно следовиков), связанные с нарративами о нечистой силе и её проделках (чёрт нёс камень, чтобы запрудить реку, укладывал спать на камень поздних прохожих и т. д.); 3) *камни-шаўцы* или *краўцы* — валуны больших размеров, с которыми связаны предания о живущих в них мифических

портных (сопожниках), которые шьют одежду (обувь) людям, но после обиды, нанесённой последними, прекращают свою работу навсегда; 4) кладовые камни — валуны, с которыми народная традиция связывает различныеклады, сокрытые, как правило, различными «чужаками» (французами, шведами или же паном) [18, с. 234–243].

37 Особенностью распространения сакрально выделенных валунов на территории Подвинья является их преимущественное распространение в южной (левобережной по отношению к Западной Двине) части региона, что в целом совпадает с зоной концентрации как культовых источников, так и сакральных озёр. Это обстоятельство требует дальнейшего комплексного изучения и интерпретации как со стороны различных направлений народоведения, так и смежных исторических дисциплин.

38 Тот факт, что сакральный камень не является культовым (не включён в религиозно-обрядовые практики локального сообщества), абсолютно не означает, что он не имеет никакой ценности в плане сохранения нематериального наследия. Устойчивое бытование фольклорной традиции, которая отображает сакральный статус камня, осознание представителями местного сообщества его ценности и уникальности могут быть основой для включения его в список нематериального наследия.

39 В рамках данной статьи невозможно даже кратко охарактеризовать всё разнообразие природных объектов, имеющих сакральный статус в традиционной картине мира местного населения. Кроме наиболее распространённых категорий, упомянутых выше, речь идёт о довольно многочисленных «чёртовых болотах» (мостах), горах-церковищах, лесных урочищах, связанных с теми или иными представителями мифологической сферы. Однако даже приведённые факты свидетельствуют о том, что сакральная география Белорусского Подвинья представляет собой сложный природный и историко-культурный феномен, который сформировался как результат длительного взаимодействия Природы и Человека в процессе формирования собственно культурного ландшафта региона и его семиотической репрезентации в сфере духовной культуры и обрядовых практик.

40 **Проблемы и перспективы изучения объектов сакральной географии** обусловлены, в первую очередь, стремительными процессами депопуляции сельского населения Белорусского Подвинья, которое является носителем традиционной картины мира, где каждый элемент локального культурного ландшафта имеет свой символический статус, функции и собственную историю. Физическое исчезновение деревенских поселений и их жителей означает автоматическую метаморфозу, когда легендарные возвышенности, озёра, культовые источники, камни, лесные или болотные урочища перестают быть знаковыми для людей и со сферы культуры переходят в категорию «немых» природных объектов, что соответствующим образом приводит к десемантизации культурного ландшафта не только отдельного региона, но и всей страны в целом. С другой стороны, опыт изучения объектов сакральной географии на территории Белорусского Подвинья показывает, что данная проблематика не может быть предметным полем исследований для отдельной дисциплины (этнография либо фольклористика), требует комплексного междисциплинарного подхода с использованием теоретических и практических наработок микроистории, археологии, исторической и культурной географии, семиотики и этнолингвистики. Немаловажное значение имеет разработка методологии и принципов репрезентации объектов сакральной географии, в т. ч. включение их в региональные или национальные реестры элементов нематериального культурного наследия [12, с. 104–109]. Перспективным направлением исследования сакральной географии является ареальный подход в сочетании с масштабным сравнительным анализом трансграничного характера, что позволит выявить как общие, так и специфические элементы семиозиса природного ландшафта в различных историко-культурных зонах Восточной Европы. *Статья поступила в редакцию 21.01.2019 г.*

Бібліографія:

1. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия, 2004. С.13–36.
2. Громов Д. В. Сакральная география. Основные положения // Энциклопедия сакральной географии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. С. 5–56.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
4. Дучыц Л., Клімковіч І. Сакральная геаграфія Беларусі. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. 384 с.
5. Зайкоўскі Э. М., Дучыц Л. У. Жыватворныя крыніцы Беларусі. Мінск: Ураджай, 2001. 111 с.
6. Иванова А. А., Калужков, В. Н., Фадеева, Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009. 512 с.
7. Йонкус Т., Айкас Т. Дары-подношения священным местам в Эстонии и Финляндии: сравнительный анализ // Миссия выполняема. Перспективы изучения фольклора. Тарту: ЭЛМ, 2018. С. 109–140.
8. Калужков В. Н. Святые места в культурном ландшафте Пинежья // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. Академическая серия. М., 2008. Вып. 22. С. 145–154.
9. Карабанаў А. К. Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі. Мінск: Бел. навука, 2011. 235 с.
10. Лобач У. Культавыя крыніцы беларуска-рускага (Полацка-Себежскага) памежжа: да праблемы вывучэння і захавання // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. 2008. Вып. 4. С. 359–367.
11. Лобач У. А. Культавыя крыніцы Беларускага Падзвіння: вопыт арэальнага даследавання // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных даследаванняў у г. Полацку): зб. навук. прац Рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 ліст. 2008 г. Наваполацк, 2009. С. 213–226.
12. Лобач У. Аб'екты сакральнай тапаграфіі як элементы нематэрыяльнай культурнай спадчыны // Ідэнтыфікацыя і інвентарызацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны: Практычнае кіраўніцтва. Мінск: Ін-т беларускай культуры, 2013. С. 94–109.
13. Лобач У. А. Міф. Прастора. Чалавек: беларускі традыцыйны ландшафт у семіятычнай перспектыве. Мінск: Тэхналогія, 2013. 511 с.
14. Лобач У. А., Валодзіна Т. В. Святыя крыніцы Беларусі. Мінск: Бел. навука, 2016. 188 с.
15. Ляўкоў Э. А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 215 с.
16. Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Западной России. СПб.: Алитея, 1998. 298 с.
17. Платонов Е. Сакральная топография деревень в нижнем течении р. Шелонь (исследования в округе бывших Илеменского, Ретенского и Скнятинского погостов) // Антропологический

форум. 2006. № 7. С. 231–280.

18. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Наваполацк, 2011. Ч. 1. 292 с.

19. Свирида И. И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора // Ландшафты культуры. Славянский мир. М.: Прогресс — Традиция, 2007. С. 11–42.

20. Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск: Поморский университет, 1993. 223 с.

21. Топоров В. Н. Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) // Балто-славянские исследования. 1986. М.: Наука, 1988. С. 3–44.

22. Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX — начале XXI вв.: библиографический указатель. Псков: Псковский государственный университет, 2017. 168 с.

23. Штыхаў Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.

24. Юрчук Л. А., Козаков И. В. Псковские легенды о святых источниках (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета) // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 красав. 2016 г.: у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. Д. У. Дука [і інш.]. Наваполацк, 2016. Ч. 1 С. 189–193.

25. Lobach U. The sacred lakes of the Dvina region (Northwest Belarus) // Archaeologia Baltica. 2011. T. XV. P. 61–68.

26. Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės: Žemaitija. Vilnius: Diemedis, 1998. 744 p.

27. Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Aukštaitija. Vilnius: Diemedis, 2006. 784 p.

Sacred geography of the Belorussian Dvina region: typology, current status and prospects of research

V. Lobach

*Professor, Polotsk State University
Belarus, Polotsk*

Abstract

The article analyzes the experience of studying the objects of sacred geography of the historical and ethnographic region of the Belorussian Dvina, clarifies the categorical apparatus of the research and the relationship between the concepts of «sacred», «holy», «religious» in the prism of popular perception of sacredly selected elements of the natural landscape. The symbolic status, information and ceremonial functions of religious sources, sacral lakes and boulders in the structure of the cultural landscape of the region are characterized. An exceptional place in the picture of the world and ritual practices of the population to date is occupied by «holy springs», most of which are patronized by the Orthodox Church and have sacral architectonics (chapels, crosses, baths), which attract a large number of pilgrims. On the other hand, the rapid decline in the rural population is also a threat to sacred geography objects, which lose their cultural status and become the category of natural objects that do not have their «sacred history».

The study identified the main problems and prospects for the study of sacred geography as a complex natural and cultural phenomenon, reflecting the centuries-old experience of interaction between man and the environment. Further study of objects of sacred geography involves a wide interdisciplinary interaction of ethnography, folklore studies, archeology, cultural and historical geography in close connection with the state policy on the preservation of the natural and ethnocultural heritage.

Keywords: sacred geography, Belorussian Dvina region, cultural landscape, picture of the world, ritual, traditional culture

Publication date: 02.10.2020

Citation link:

Lobach V. Sacred geography of the Belorussian Dvina region: typology, current status and prospects of research // Pskov regional studies journal 2019. Issue 2 (38) С. 22-35 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://ras.jes.su/region/s221979310012055-3-1> (circulation date: 02.10.2020).